
Жизнь в он-лайн вакууме: пир кончился, а чума осталась

Литературные итоги 2020 года

*В этом номере — размышления Николая АЛЕКСАНДРОВА,
Ольги БРЕЙНИНГЕР, Константина КОМАРОВА,
Елены ЛЕПИШЕВОЙ, Алексея САЛОМАТИНА*

Традиции «ДН» подводить итоги минувшего литературного года — 15 лет. Пролистав три первые журнальные книжки, начиная с 2007 года, можно получить если не полное, то весьма объемное представление о наиболее интересных и обсуждаемых произведениях и авторах, о самых горячих полемиках и премиальных сюжетах, об опыте и насущных проблемах толстых журналов, книжных издательств, литературных сайтов и блогов — в перекрестье субъективных оценок и суждений писателей, критиков, блогеров из столичной и нестоличной России, «ближнего» и «дальнего» зарубежья.

Как всегда, мы предлагаем участникам заочного «круглого стола» три вопроса:

1. Каковы для вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2020 года?
2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего зарубежья»?
3. Литература в обществе «удаленки» и «социальной дистанции»: роль, смыслы, векторы выживания и развития.

Николай Александров, литературный критик (г. Москва)

Уединенное чтение в эпоху соцсетей

1. Я начну не с «текстов», а с книжек. Просто потому, что появление этих книг внушает надежду и оптимизм, во-первых. Во-вторых, они рассчитаны на долгое чтение, к чему, собственно, и подталкивает время коронавируса, в-третьих, потому что это действительно выдающиеся издания, которые останутся с нами надолго. И так. Издательство «Ладомир: Наука» выпустило в серии «Литературные памятники» «Декамерон» Джованни Боккаччо в трех томах в классическом переводе Александра Веселовского, но с восстановленными купюрами. Плюс к тому — примечания, комментарии, статьи — все как полагается. Чтение для локдауна — изумительное. И своевременное. Второе издание не менее замечательно — «Детские и домашние

сказки» братьев Гримм в двух томах. Все это классика и хрестоматия, разумеется, но пока классика так издается, есть во что верить. Кроме того, в не менее знаменитом, чем «Литературные памятники», «Литературном наследстве» (многие думают, что этот проект давно умер) вышел 112-й том в двух книгах. Это «История становления самосознающей души» Андрея Белого, подготовленная М.Одесским, М.Спивак, Х.Шталь. Эти книги стоит хотя бы подержать в руках, хотя бы посмотреть, полистать, даже если вы равнодушны к Андрею Белому и его безумным мистическим идеям. Здесь одни рисунки чего стоят. И это издание вполне сопоставимо с недавней литературоведческой сенсацией — комментарием Александра Долинина к «Дару» Владимира Набокова.

И еще одна книга. Уж точно совсем безумная (то есть полностью соответствующая своему герою) — «Фёдор Дмитриев-Мамонов. Дворянин-философ. “Известия”, рукописные книги, медали и “системы” с материалами к его биографии и комментариями Михаила Осокина». Как ее можно не только прочесть, а читать (тысяча с лишним страниц), как ее можно было издать — не представляю. Сам факт ее выхода — уже чудо. Вот это точно, в еще большей степени, чем Андрей Белый, — герметичное чтение, закрытое, отдельное, уединенное, когда не книга ищет читателя, навязчиво предлагая себя, а читатель ищет книгу. Когда книга самодостаточна, когда она делает любезность читателю тем, что вышла в свет, потому что на самом деле предпочитает держаться в тени. И, к слову сказать, это и есть одна из тенденций сегодняшнего дня. Чтения разного рода (по большей части электронного, а не бумажного) настолько много, настолько современное пространство им засорено, что оно неизменно теряет в своем качестве, девальвируется, превращается в шум (в эпоху пандемии особенно осязаемый, кстати), пустой текст. Настоящая книга вынуждена прятаться, то есть изначально быть раритетом. Она, говоря словами уважаемого мной Константина Бурмистрова, сопротивляется публикации, стремится быть не изданной.

Если говорить о литературе более или менее актуальной, то из переводных книг в сухом остатке этого года для меня — замечательный исторический роман Хилари Мантел «Волчий зал», написанный с необыкновенной точностью и экспрессией, «История Англии» Питера Акройда, удивительно изящная повесть Жан-Клода Мурлева «Старые друзья» (автора многим памятного «Горя мёртвого короля») и «История чтения» Альберто Мангеля, потрясающая по идее и исполнению. Еще один пример медленного чтения.

В отечественной словесности я бы отметил Аллу Горбунову — «Конец света, любовь моя» — роман в рассказах, я бы так сказал, о последнем времени и последних временах, о страхах и травмах, ожидающих человека, вступающего в сознательную жизнь, о неприглядном, почти фантастическом аде, который оборачивается повседневностью, о свободе и любви, без которых жизнь невозможна, и об отчаянной попытке преодолеть, выразить себя, сказаться, стать, быть в этом тянущемся бесконечно конце света. Здесь, конечно, в первую очередь бросается в глаза письмо, в котором остро чувствуется поэтическая составляющая, даже если не знать, что Алла Горбунова поэт. Книга еще одного поэта (и о поэтах, поэтах блокадного времени) достойна внимания — Полины Барсковой «Седьмая щёлочь». И, если уж зашла речь о поэтах, я бы отметил сборник «Волынщик над Арлингтоном» Юлия Гуголева, лауреата обновленной премии «Поэт». Лично меня в Гуголеве восхищает свободная и точная игра со словом, когда простые явления и вещи: лифт, мясорубка, экскаватор, памятный в московских дворах призывный глас «Старье берем!», смятые тапочки, странный пассажир в автобусе, преображенные поэтической кулинарией, — превращаются в историю, когда волшебный метафорический осколок легко разрастается в целый мир.

Я с интересом прочел «Секретики» Петра Алешковского и «Крысолова» Дмитрия Стахова. Меня, к моему удивлению, не разочаровал Пелевин и его (слишком уж объемный, правда) роман «Непобедимое солнце». Я порадовался за успех Александра

Иличевского в «Большой книге» (хотя, скажу в скобках, по моему мнению, «Большая книга» по представительности, литературной репрезентативности в этом году уступает НОСу). «Чертёж Ньютона», на мой взгляд, едва ли не лучший его роман. А в еще большей степени меня порадовал его сборник эссе «Воображение мира». И отдельно хочется сказать вот о какой книге. Это роман Аллы Хемлин «Интересная Фаина». Он как-то прошел незамеченным (что, впрочем, как раз скорее говорит в его пользу). Это рассказ о странной, блаженной девочке Фаине, о ее судьбе, насыщенной событиями почти детективными. Действие происходит до революции. Батуми, Одесса, Киев — разные люди и разные миры, отраженные в аутичном сознании Фаины. Из этого сознания (правда, уже из другого, послереволюционного времени) и ведется повествование невероятным, удивительным языком. Мастерство письма не может не вызывать восхищения. Так мало кто уже умеет писать. Это абсолютно индивидуальный язык, — придуманный, но как будто подслушанный, который в своем странном, наивно-искаженном измерении тем не менее отражает реальную речь (причем разнообразную — все-таки дореволюционные Одесса и Киев). Такое вживание, превращение в Другого, такой причудливый способ повествования и хитрая игра со временем — редкость сегодня. И это, наверное, главное «художественное» впечатление года.

2. Пожалуй, единственное, что могу назвать — «Симон» Наринэ Абгарян. «Симон» написан в узнаваемой манере, отсылающей к традиции советской прозы 60—80-х годов. Замкнутый, семейный, по сути, деревенский мир армянского городка Берд, патриархальный колорит национальных устоев, на фоне не слишком явных безликих знаков советской жизни. Вполне традиционное письмо, но не вызывающее отторжения, скорее наоборот.

3. О времени коронавируса к сказанному можно, наверное, добавить вот еще что. На собственно словесность пандемия не особенно повлияла (да и не могла, кажется). Скорее уж повлияла на литературный процесс, в котором поубавилось светскости. Но это не помешало, например, яростным дискуссиям в социальных сетях по разным актуальным поводам. По поводу результатов «Большой книги» в частности. Показателем здесь сам характер полемики и уровень аргументации. Показателем не столько для времени пандемии, сколько для эпохи социальных сетей.

Ольга Брейнингер, прозаик, литературный критик (г. Москва)

Эрос и Танатос русской литературы в 2020 году

2020-й был щедр на плохие события и хорошие книги. И на хорошие литературные тенденции в целом. В премиальных списках уверенно пережегались имена современных классиков и представителей поколения тридцатилетних, авторы бестселлеров и маргинальные имена.

2020-й оказался щедр на очень хорошие романы, и «лучших книг года» у меня оказалось сразу две. Или даже три.

Первая — конечно же, «Земля» Михаила Елизарова. Роман, написанный не по правилам и вопреки всем правилам. Обрывающийся на кульминации, не утруждая себя ни развязкой, ни обещанием продолжения. Медленно тянущийся сквозь первые

1. Каковы для Вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2020 года?

пятьсот страниц и стремительно летящий на последних трехстах. Роман о семье, загадочных «биологических часах», о стройбате и человеческом упрямстве. Роман с фальшивой и претенциозной главной героиней, поверхностной настолько же, насколько поверхность ее тела испещрена татуировками. Роман о смерти и русском Танатосе, полный бандитских разборок и философствований о смерти и почти не уделяющий внимания философии смерти — лишь ее беспощадному, скучному быту.

«Сад» Марины Степновой — второе читательское удовольствие года. Казалось бы, полная противоположность «Земле» Елизарова. Женская тема и героиня, в отличие от мужского, брутального мира Елизарова. Там — могилы, кладбища и серое увядание. Здесь — буйство красок и плодов в саду, цветение, роды, роженицы, зарождение и течение жизни. У Елизарова — Танатос; у Степновой — Эрос. Густой, тягучий язык. Множество отсылок к классической русской прозе девятнадцатого века — тематических, нарратологических, очевидных и хорошо замаскированных.

И тем не менее, у этих двух романов гораздо больше общего, чем может показаться. «Земля» и «Сад», как двуглавый орел, показывают две стороны современной русской жизни. И неважно, что роман Степновой разворачивается в девятнадцатом веке — он современнее самых современных романов с «повесткой». Тем более, что внешнее противопоставление «мужского» романа «женскому» — не вполне верно: Туся — именно та женщина, которая добивается права вести себя как мужчина, любой ценой. К тому же, как Эрос не существует без Танатоса, так и сад не существует без земли. И, наоборот, в финале «Сада» Туся уничтожает его, сама выступая разрушительницей. Конечно, это отсылка к чеховскому «Вишнёвому саду» (а также к Тургеневу, и Салтыкову-Щедрину, и другим) — но это и смена традиционного новым, и завершение цикла жизни и смерти, цельность Эроса и Танатоса.

И здесь странным образом выходит на арену моя третья «лучшая книга» года, сборник рассказов Владислава Городецкого «Инверсия Господа моего». Несмотря на то, что его пронизанный технологиями художественный мир — а, соответственно, и язык — очень выламывается из ландшафта современной прозы, конфликт традиционного и нового является для Городецкого краеугольным. По сути, все рассказы сборника — собирающиеся в сумме в грозную антиутопию — посвящены конфликту старого (у Городецкого — религиозного мира) и нового (технологического). Эта третья книга, на мой взгляд, добавляет последний штрих к портрету 2020 года.

2020-й был щедр на плохие события, но литература не подвела.

Константин Комаров, поэт, литературный критик (г. Екатеринбург)

«Вещать о литературе, сидя у экрана в домашних тапочках...»

1. Во первых строках хочу поздравить журнал «Формаслов» с тем, что он набрал в ушедшем году мощный ход, обзавелся собственным издательством и электронной библиотекой, развивается в разных направлениях и становится одним из самых интересных и статусных сетевых литературных изданий. Главные редакторы

2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего зарубежья»?

3. Литература в обществе «удалёнки»: роль, смыслы, векторы выживания и развития.

журнала — Анна Маркина и Евгения Баранова — большие молодцы. Недавно я составлял для замечательной рубрики «Формаслова» «Выбор писателя» подборку стихотворений, опубликованных в «Журнальном зале» за второе полугодие 2020-го и особенно легших мне на душу. Набралось под несколько десятков поэтов. Волевым усилием ограничился десяткой — перечислю их: Юрий Казарин, Александр Кабанов, Владимир Гандельсман, Александр Кушнер, Ксения Аксёнова, Евгения Изварина, Ирина Ева, Сергей Золотарёв, Вадим Месяц, Елена Лапшина. Особо выделю совершенно «термоядерные» подборки Елены Лапшиной в «Новом мире» и Александра Кабанова в «Дружбе народов». А ведь это только ЖЗ и только второе полугодие. Можно с чистой совестью констатировать, что русская поэзия жива и пандемией не повержена, а «толстяки» остаются ее опорным краем. Из поэтических же публикаций собственно «Формаслова» лучшей в ушедшем году мне представляется подборка Галины Климовой «Дышать во всю длину строки».

В процессе написания своих ежеквартальных обзоров для журнала «Сибирские огни» убедился в том, что и портал «Журнальный мир» держится на плаву, представляя целый ряд достойных внимания региональных изданий, многие из авторов которых представлены и в ЖЗ.

Таким образом, мое журнальное чтение в этом году (особенно — по части поэзии) было крайне плодотворным и благотворным.

Если говорить о книгах, вышедших не в этом году, но прочтенных в этом, то я запоздало открыл для себя Евгения Водолазкина: «Лавр» — очень мощный роман, «Авиатор» послабее и «повычурнее», но тоже произвел впечатление. Очень порадовала «История мира в пяти кольцах» Вячеслава Курицына, вышедшая в прекрасном екатеринбургско-московском издательстве «Кабинетный ученый». Спорт для Курицына становится ключом к осмыслению в парадоксально-ироническом ключе вопросов бытийных. Его книга — это «коллекция подчас фантастических, но реальных и спортивных новостей. Анализируя их, автор приходит к глобальным выводам о парадоксах цивилизации, о свойствах информационного поля и о природе человека» (из аннотации).

Не снижает планки психологического накала при описании самых, казалось бы, обыденных (а на самом деле жизнеопределяющих) событий один из самых дорогих для меня современных писателей Роман Сенчин. Об этом свидетельствует его новая «крымская» повесть «У моря», вышедшая в журнале «Урал», и рассказы «Девушка со струной» и «Долг» в «Дружбе народов».

Из только что прочтенного и еще непосредственно «плещущегося» в памяти отмечу небольшой, но очень концентрированный, просодически насыщенный поэтический сборник курского поэта Романа Рубанова «Соната № 3», вышедший в серии «Сингл» (концепция которой Рубановым и разработана) интенсивно развивающегося издательства «СТИХИ», а также еще не вышедшую книгу «Три города Сергея Довлатова» (состоящую из замечательных, глубоких мемуарных эссе Андрея Арьева, Елены Скульской и Александра Гениса), которая, не сомневаюсь, станет событием уже 2021 года.

В области литературной критики главная радость — проект «Легкая кавалерия» на базе журнала «Вопросы литературы». «Кавалерия» на наших глазах становится ключевой площадкой острого, информативного, аналитического, оперативного критического высказывания. Готовится к выходу книга «Как мы пишем», собранная из самых заметных «наскоков» «кавалеристов». И это греет душу.

Ну и наконец не могу не отметить, что значимым для меня событием стал выход в издательстве «Русский Гулливер» собственной книги поэтического избранного — «Почерк голоса».

1. Каковы для Вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2020 года?

2. Основным источником знаний о литературе ближнего зарубежья для меня традиционно служит журнал «Дружба народов». Этот год не стал исключением. Прозу Сухбата Афлатуни читал с не меньшим увлечением, чем критику Евгения Абдуллаева. Также отмечу романы Ованеса Азнауряна «В ожидании весны», Михаила Гиголашвили «Иудея, I век», Шамиля Идиатуллина «Последнее время». Запомнились произведения Вики Чембарцевой, Тамерлана Тадтаева, Гурама Сванидзе, Алана Цхурбаева. Из поэзии — Вячеслав Шаповалов, Заир Асим, Сергей Пагын, узбекский поэт Фахриёр (в переводе Санджара Янышева). С неослабевающим интересом слежу за деятельностью студии сравнительного поэтического перевода «Шкереберть». Очень любопытно интервью Юрия Татаренко с триадой основателей «ташкентской поэтической школы» — Е.Абдуллаевым, В.Муратхановым, С.Янышевым.

Неизменно хороши рассказы киевлянина Максима Матковского, которые читаю в фейсбуке.

3. Демаркационной линией на шкале влияния пандемии на литераторов, судя по их интервью карантинного периода, стали жанры, в которых они работают. Так, для поэтов (могу подтвердить это и по собственному опыту), похоже, мало что изменилось: такова уж специфика уединенного поэтического творчества и некоторой «обособленности» поэзии внутри общего поля литературы. Поэзия осталась «на самообеспечении». Реализации среди друзей и знакомых мизерных тиражей поэтических сборников никакой карантин не помеха. Прозаики, по моим впечатлениям, пострадали чуть больше, но тоже не катастрофично: сидят и пишут. Вероятно, скоро мы увидим (и уже понемножку видим — в произведениях Е.Водолазкина, Д.Данилова и др.) разнообразные плоды художественного осмысления пандемийного бедствия — романы, повести, рассказы и т.д.

А вот драматурги и сценаристы действительно взвыли, потому что их творческое и человеческое благополучие, по понятным причинам, зависит от постановок и съемок. Не позавидуешь и книжным магазинам, издательствам, типографиям.

Но нет худа без добра. Как человек довольно консервативный я вряд ли стал бы осваивать «зум» по доброй воле. Будучи вынужден это сделать, я теперь с удовольствием работаю онлайн — провожу онлайн-вебинары по литературному мастерству, творческие встречи, участвую в круглых столах, дискуссиях и поэтических чтениях, преподаю. Думаю, в этом открытии дивного нового мира я не одинок. Конечно, живого общения ничто не заменит, и онлайн — это эрзац, однако он обладает и рядом вполне прагматических достоинств: оперативен, удобен... Поэтические чтения в «зуме», например, создают эффект специфической камерности, как будто поэты пришли к тебе в гости на рюмку чая. Вещать о литературе, сидя у экрана в домашних тапочках, — это новый, интересный, обогащающий опыт...

Благодаря онлайн событийное «обмеление» литературной жизни лично мной почти не ощущалось. Да и оффлайн, надо сказать, удалось поучаствовать во многих примечательных событиях (Филатов-фест, Школа писательского мастерства, мастер-класс переводчиков от Фонда СЭИП и др.).

Мир не станет прежним, это уже аксиома. Но я стараюсь смотреть на происходящее сколь можно оптимистично, вспоминаю Тютчева: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Что касается стратегий выживания, то, на мой философский взгляд, стратегия эта одна, она универсальна, сформулирована еще во времена Древнего Рима и актуальна не только для «минут роковых» и не только для литераторов: «Делай, что должен, и будь что будет!» В конце концов, дух дышит, где хочет, и Слово никакой «социальной дистанцией» не ограничишь. Авось прорвемся...

2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего зарубежья»?

3. Литература в обществе «удалёнки»: роль, смыслы, векторы выживания и развития.

Елена Ленишева, филолог, литературный критик (г. Минск)

Повестка «здесь-и-сейчас»

1. «Я — легенда»: литература в мире *post*. Я, вероятно, буду единственным респондентом, который в литобзоре за 2020 год не упоминает о премиях — референтных знаках качества книжных новинок, чтобы (как выразился один из диссертантов) «не уподоблять литературу соревнованию».

По стрельбе. Добавлю в ответ на повестку «здесь-и-сейчас», сделавшую литературу веб-окном в мир, эстетическое освоение которого лишь подстегивает насильственная несвобода, будь то беспрецедентная пандемия или окошко минского автозака. Погружение в «посюстороннее» (термин, предложенный учеными ЕГУ применительно к постметафизическому мышлению) — такой видится мне магистральная авторская стратегия, нацеленная на становящуюся повседневность, мир *post*. Это мир, переживший череду катастроф, от постсоветского тротилового послевкусия на просторах бывшей империи до преодоления постмодернизма на просторах эстетики. Созидание на обломках — свидетельство антропологической стойкости авторов и особой задачи литературы, *Dasein* которой не изящная словесность, а экзистенциальный выбор.

Исторические предпосылки здесь очевидны. Это, безусловно, пандемия как завершающий аккорд неустойчивости мира. Но это и социально-политические катаклизмы, явные (коллапс госсистемы в Беларуси) и латентные (реальная картина антиглобализации в ответ на пандемию, предкризисные явления российского социума с коррозией национальной идеи под влиянием «имперских амбиций»). Все это аккумулирует спектр настроений от ироничного признания «незакрытого гештальта» личных и коллективных травм («Сестра четырёх» Е.Водолазкина, «Риф» А.Поляринова) до констатации катастрофы («Последнее время» Ш.Идиатуллина, «Путь Тарбагана» М.Лабыч, «Сад» М.Степновой). Новейшая литература создается в координатах постметафизики, фиксирует «присутствие» в тревожном моменте. (Подробнее см.: Лехциер В. Поэзия и ее иное: философские и литературно-критические тексты. — Екатеринбург—Москва: Кабинетный ученый — это книга тоже 2020 года.)

Характерно для нее и тяготение к «переходности» художественных форм, и — шире — «поэтика черновика» (В.Лехциер), потому что новинки нарочито не «встраиваются» в проторенную колею. В отличие от предшественников начала 2000-х, написанных людьми, стремившимися *выжить* в экзистенциальном и эстетическом плане, сейчас мы имеем дело с текстами *выживших*. Помните фильм «Я — легенда» с Уиллом Смитом? Конец света уже наступил, на земле никого не осталось, кроме монстров и чудом уцелевшего главного героя, который вступил с ними в борьбу, но в целом приспособился к существующему порядку вещей — гибели собственной семьи, апокалипсису, одиночеству.

Так и здесь: вслед за нежизнеспособностью еще недавно трендовых практик (растиражированностью приемов постмодернизма, кастовостью «высокой прозы», социальной ангажированностью «другой прозы») наступила художественная бифуркация. Это и взаимопроникновение элементов «высокой» словесности и масла («Путь Тарбагана» М.Лабыч, «Непобедимое солнце» В.Пелевина), и усиление межжанровой диффузии («Последнее время» Ш.Идиатуллина), и формы письма на стыке поэзии и графики («Агынстр» С.Литвак).

1. Каковы для Вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2020 года?

Если говорить о художественном методе, то мейнстримом литературного процесса становится «метамодернизм», резонирующий на эсхатологические настроения, воссоздающий условно-фантастическую модель мира-катастрофы (частной и общей) с помощью нетрадиционного языка мимезиса (Н.Рымарь).

Не случайно 2020 год ознаменован фэнтези с узнаваемыми «болевыми точками» современности. Даже при нарочитой «зашифрованности» художественного мира, как в романе Ш.Идиатуллина «Последнее время», речь идет о пребывании в мире post (изначально деформированном). Эклектика стиля — цена за обогащение фэнтези элементами антиутопии, научной фантастики и даже «антиромана» с его «потокосознанием». Это выделяет книгу Ш.Идиатуллина на фоне других, выстроенных на эсхатологических сюжетах: «Непобедимое солнце» В.Пелевина (фэнтези без примеси «этно»), «Риф» А.Поляринова (конец света логически вытекает из движения цивилизации по заданным паттернам), «Путь Тарбагана» М.Лабыч (эсхатологическая картина дополняется документальной фактурой: взрывом в метро).

Историческая эсхатология видится мне в романе М.Степновой «Сад», который отсылает к «фантастическому реализму» (Ф.Достоевский, Н.Лесков и др.), показывая фантазмагоричность русского либерализма в перспективе времени.

Катастрофичность частной жизни исследует «психоделический» автофикшн — сборник рассказов А.Горбуновой «Конец света, моя любовь», вскрывающий деструктивные импульсы подсознания нарратора.

Таков магистральный вектор развития российской прозы. Что касается драматургии, то здесь так же наблюдается эсхатология, связанная с *covid-драмой* (более подробно — ниже). А вот в поэзии, несмотря на ряд перспективных стратегий российских авторов (тактильность ощущений, близкая неоакмеизму, в сборнике А.Маниченко «Ну или вот о нежности», книга-перформанс «заумной» и графической поэзии С.Литвак «Агынстр», инвариант документальной поэзии, воссоздающей «расколотое “я”» психически больного человека, в проекте М.Малиновской «Каймания», близкое оптике русскоязычной поэтессы из Беларуси Т.Скарынкиной), объектом моей рефлексии становится, по понятным причинам, *белорусская поэзия протеста*, о которой я расскажу отдельно.

2. *Родное «зарубежье»: белорусская литература-2020*. Как страшно проснуться в своей стране и осознать, что она вовсе не твоя и чтобы стать твоей, ей нужно пройти квест-испытание — «кто мы, откуда мы, куда мы?». Вот это «мы» (воплощение непривычной солидарности) и требует от меня, исследователя литературного процесса, сосредоточиться на его протекании в поствыборной Беларуси, ознаменованной культ-протестом. (Подробнее см. Верина У.Ю. «Поэт — человек с чувством близости царства или сада...»: Поэзия Беларуси августа-сентября 2020 г. // *Вакансия поэта-2: материалы двух конференций* / под ред. А.А.Житенёва. — Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2020. — С. 288—320; Лепишева Е. Беларусь-2020: Культ-протест // *Цирк Олимп + TV*. — 2020. — № 34 (67) [https://www.cirkolimp-tv.ru/articles/936/belarus-2020-kult-protest?fbclid=IwAR3TyTbcJZNfPL8jI7zmBkH9fZ1oB5uhk5yLAlr682XgML_4httcrZKFKhA)]

Это видеообращения, рок-композиции, статьи, посты, спектакли, флешмобы, дворовые вечера, среди которых особое место занимает *протестная поэзия* — корпус текстов, созданных на волне политических протестов, начиная с августа 2020 года.

Она звучит во дворах и в онлайн-формате на акциях солидарности с репрессированными белорусскими литераторами (например, «Белорусские чтения», организованные А.Голубковой и Т.Бонч-Осмоловской), включена в антологии

2. *Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего зарубежья»?*

3. *Литература в обществе «удалёнки»: роль, смыслы, векторы выживания и развития.*

(«Цветы революции», проект В. Коркунова на портале «Полутона» и др.), представлена на интернет-платформах (*#просТЫЯслова*, *#культпратэст*). Стихи создаются как на белорусском (А. Хаданович, М. Мартысевич, О. Бахаревич, Н. Кудасова), так и на русском (Д. Строцев, Т. Скарынкина, Д. Балыко) языках, многие авторы (Т. Светашева, О. Маркитантова) выступают как билингвы в знак солидарности с идеей национально-культурного возрождения.

Здесь можно встретить *лирические дневники* с узнаваемыми реалиями Беларуси-2020 (цикл Д. Строцева 8-27.08.2020) и *гражданскую лирику* («Я против пересидента...» Д. Балыко), *сюрреалистические этюды* (П. Любецкий) и *метафизическую лирику*, отражающую «пограничное» мироощущение очевидца трагических событий (циклы К. Бандуриной, О. Маркитантовой).

Их объединяет нацеленность на «открытую коммуникацию» с читателем/слушателем (М. Липовецкий) в проживании шокирующей повседневности.

Социальная повестка находит отражение и в прозе, правда, не тематизирующей протест, но воссоздающей атмосферу несвободного социума. В 2020 году вышли книги О. Бахаревича «Апошняя кніга пана А.» («Последняя книга пана А.») — серия сказок о всемирной экологической катастрофе, заново поставившей вопросы о самостоянии на пороге смерти, и В. Мартиновича «Рэвалюцыя» — история белоруса-эмигранта в Москве начала 2000-х, вскрывающая механизмы тоталитарной психологии.

3. Поверх барьеров: творчество в условиях интернет-свободы (несвободы?). «Литература — всегда вызов обстоятельствам и правилам», — резюмирует О. Бахаревич в интервью о творческих буднях во время пандемии. Огромные убытки издательств, сорванные встречи, перенесенные на неопределенный срок презентации, онлайн-формат культурных мероприятий — общий кейс участников литературного процесса.

Я же сосредоточусь на его эстетической составляющей — драматургии, которая, как правило, остается за рамками литобзоров. Внимание к «посюстороннему», «поэтика черновика» срабатывают в пьесах нового тематического направления — *covid-драмы* (так я обозначила корпус текстов, посвященных коронавирусу). Лишь немногие из них изданы («Сестра четырёх» Е. Водолазкина в «Редакции Елены Шубиной»), большинство же бытует в интернете. Знаковым событием стал театральный онлайн-фестиваль «Короно-драма», организованный российскими критиками и драматургами, чтобы «осмыслить и зафиксировать происходящее, оформить свои мысли в виде пьес». На первый сезон (весна 2020) было прислано порядка 80 произведений, состоялись видеочитки в театрах «Практика», БДТ, Театр.doc и др. Второй сезон (осень 2020) ознаменован созданием школы драматургического искусства, так что влияние изоляции на поиск новых форматов благоприятно.

Вместе с тем возникает вопрос о влиянии эстетическом. Если говорить о трансляции коллективного опыта, налицо арт-терапевтический эффект пьес. А вот в художественном плане они неоднородны, поскольку выделенные мной черты *covid-драмы* (герой Номо Confusus, человек растерянный — воспользуемся определением психолога Татьяны Черниговской, многоуровневый конфликт, философская рефлексия) характерны не для всех произведений. Из запомнившихся назову ту же драму Е. Водолазкина «Сестра четырёх», цикл С. Давыдова «Порнооптимисты», комедию-хоррор А. Букреевой «Тварь».

Думаю, оценить воздействие пандемии, как и других катаклизмов новейшей истории, можно будет в перспективе времени, но уже сейчас очевидно, что они внесут коррективы в представления о литературе XXI века.

1. Каковы для Вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2020 года?

Алексей Саломатин, литературный критик (г. Казань)

Корона без царя

На излете марта, в самый канун первой из карантинных недель, мне, еще не до конца отошедшему после затяжного бронхита, срочно понадобилось на работу. Город за время моего сидения дома преобразился кардинально — пустынные тротуары и единичные машины отдавали постапокалиптическим Голливудом. Водитель такси оказался редким для человека своей профессии любителем олдскульного тяжеляка. Когда из колонок зазвучал «Paganoid», все происходящее окончательно превратилось в сцену из фильма — не метафорическую даже, а эмблематическую... Вот и стал для меня эмблемой двадцатого года полет по обезлюдившим улицам под пятидесятилетней выдержки шлягер «Black Sabbath».

Как все происходящее скажется на отечественной словесности (раз уж весь год вверх дном, почему бы не начать с ответа на последний вопрос?), пока сказать сложно.

Станет ли пандемия, подобно мировым войнам, новой большой темой для поколения писателей и поэтов или останется очередной травмой, которую вскорости вытеснит следующая, не в последнюю очередь зависит от ее продолжительности и необратимости последствий. К слову, симптоматично: киноязык на изменившийся формат реальности отреагировал почти мгновенно — визуальный ряд онлайн-конференций с их параллельно разворачивающимися микросюжетами (в последнее десятилетие, впрочем, использовавшийся неоднократно) был буквально поставлен на поток. Экранизациями, опережающими выход книг, по которым они поставлены, уже никого не удивить, и осмыслить глубинные сдвиги, приведшие к внешним изменениям, еще предстоит.

Столкновение человека с непредсказуемостью и неотвратимостью фатума — один из старейших сюжетов в мировой литературе. Да и нынешнее орудие фатума, невидимое и неосязаемое, многократно склонялось в самых разных сценариях — от «Пира во время чумы» до «Слепоты», не говоря о бесчисленных масскультовых катастрофах. Но одно дело — читать, а другое — ежедневно носить в себе тютчевское «и это все есть смерть», когда привычное пространство перестало быть дружелюбным, встреча со старым другом может таить угрозу, да и ты сам, не ведая того, можешь представлять опасность для окружающих. Простор обширный и для прозаических нарративов — решенных в ключе хоть герметичного полярного хоррора, хоть всеобщей подозрительности эпохи сексотов, — и для экзистенциальной лирики.

А вот что касается влияния пресловутых «удаленки» и «самоизоляции» на литературный процесс — на мой взгляд, оно если и есть, то не совсем такое, как принято полагать. Творческие вечера, а то и целые фестивали, как показала практика, можно вполне успешно проводить в формате тех самых онлайн-конференций, а само творчество...

Литература — вещь интимная, требующая если не бегства в широкошумные дубровы, то удаления во внутренние палаты. Вот только в наш век всеобъемлющего вай-фая о тиши уединения приходится лишь мечтать. Если и раньше телефонные звонки и рабочие письма настигали в самый неподходящий момент, то дистанционный формат работы негласно лигитимизировал круглосуточную присутственную повинность в зоне доступа. Возможность остаться наедине с собой, столь необходимая для человека пишущего, становится непозволительной роскошью.

2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего зарубежья»?

3. Литература в обществе «удалёнки»: роль, смыслы, векторы выживания и развития.

На самоизоляции изоляции нет. Есть определенная ирония в том, что именно необходимость сидеть по домам показала: дом как приватное пространство уже во многом иллюзия. Профессор Преображенский новых дней, думается, поменял бы тему и рему в хрестоматийном высказывании: в столовой я буду обедать!

Что же до литературных впечатлений, то одно из самых сильных в этом году произвел на меня роман, увидевший свет без малого тридцать лет назад. С одной стороны, можно посетовать на свою нерасторопность, с другой — не бояться спойлеров в разговоре.

Роман адыгейского писателя Юнуса Чуюко «Сказание о Железном Волке», вышедший по-русски в 1993-м в Майкопе, а в 1994-м — в «Роман-газете», начинается как своеобразный гибрид «Сандро из Чегема» и «Прощания с Матерой» (предисловие к русскому изданию, кстати, написал Валентин Распутин). Уже насквозь городской студент, от лица которого ведется повествование, возвращается в родной аул накануне грандиозного расселения и затопления обжитых земель, чтобы пролить свет на древнюю тайну, лежащую в основе вражды двух родов, к одному из которых он принадлежит. Сразу же он сталкивается с угрозой — подsunутая ему в карман записка «*Будешь копать два скелета — найдут два трупа*» обещает детективную интригу, основная линия стремительно обрастает вставными историями, флэшбэками и легендами, перемежается отчетами русских офицеров XIX века, участвовавших в кавказских походах...

А потом с читателем заводит разговор сам автор, попутно сообщая, что протагонист, глазами которого мы привыкли смотреть на события, — его добрый знакомый (это даже не «Евгений Онегин», а «Год смерти Рикардо Рейса» какой-то — нет, я не перечитывал в этом году Сарамого), и слегка приподнимая завесу над дальнейшими событиями, для рассказа о которых вновь предоставляет слово герою...

По сложности структуры роман не уступает мировым образцам модернистской прозы. (Распутин, тщетно, но очень настойчиво пытавшийся в предисловии вписать его в реалистический канон, кажется, просто не понял, с чем имеет дело.)

При этом книга, в которой магический реализм соседствует с документальной хроникой, а остросюжетные миниатюры — с дидактическими отступлениями, не превращается в рассудочный эксперимент, оставаясь живой и метафоричной, исполненной подлинного трагизма и поднимающей очень непростые вопросы, а взаимопроникновение временных пластов, монтажные склейки и нарочитое нарушение последовательности в изложении событий (вплоть до выпадения важных эпизодов) отнюдь не служат для маскировки сюжетных дыр. Умению автора сплести и распутывать узлы могли бы позавидовать многие современные прозаики. Все ружья в свой черед стреляют, зачастую заставляя читателя врасплох. Вот и угроза из записки оборачивается пророчеством, голосом того самого фатума, неотвратимого и непредсказуемого — два трупа будут (а я предупреждал о спойлерах), но не те и не потому...

Радость от знакомства со штучной выделкой произведением омрачает одно — автора не стало этим летом. И вновь от глотка свежего воздуха приходится возвращаться к невеселым мыслям — и начинал-то не за здравие, а уж под занавес и вовсе...

Помянуть всех ушедших в этом году нет никакой возможности. Но все отчетливее ощущение, что уже два десятилетия длящийся новый век тянул — в культуре, во всяком случае, — на ресурсах старого. И вот в 20-м ХХ-й, кажется, окончательно отступает в прошлое. Дальше как-нибудь сами.

Куда мчит нас скоростное такси, куда вывезет...

А счетчик тикает.

1. Каковы для Вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2020 года?